

СВОБОДА СОВЕСТИ В ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ РОССИИ: НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

А.С. КОМАРОВ

эл. почта: ecbantontkom@vandex.ru

*Костромской государственной университет
им. Н.А. Некрасова, Кострома*

Исследуются проблемы современных государственно-конфессиональных отношений России в сравнении с правовой практикой западных стран. Подчеркивается необходимость сохранения и закрепления конституционных принципов свободы совести, развития правовой культуры толерантности в общественных отношениях.

Ключевые слова: толерантность, свобода совести, дискриминация, образование, школа, церковь.

FREEDOM OF CONSCIENCE IN POST-SECULAR RUSSIA: MORAL AND LEGAL ASPECTS

A. KOMAROV

Nekrasov Kostroma State University, Kostroma

The author studies the basic problems of modern church-state relations in Russia in the context of freedom of conscience in comparison with the legal practice of Western countries. Emphasized is the need to preserve and consolidate the constitutional principles of freedom of conscience, the development of legal culture of tolerance in social relations.

Key words: tolerance, freedom of conscience, discrimination, school, church.

Современное состояние цивилизационного развития характеризуется российским религиоведом Т.П. Минченко как постсекулярное¹. Российский опыт секуляризации значительно отличался от общемирового, который имел в основном общественные негосударственные источники. Государство в России активно пытается управлять и современными социально-идеологическими (в т. ч. религиозными) процессами. Анализ этого процесса с точки зрения общественного нравственного восприятия, а также соотношение его с правовыми нормами сво-

¹ *Минченко Т.П.* Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности: истоки и перспективы: Автореф. дис... д-ра филос. наук. Томск, 2011. С. 4–5.

боды совести в основном представлен в юридической литературе. В данной статье мы обратимся к наиболее актуальной для российского общества проблеме – проблеме толерантности. Юридический и нравственный аспекты свободы совести наиболее востребованы общественным мнением по сравнению с идеологическим.

В России существование и развитие свободы совести – это, прежде всего, проблема общественной культуры, которая находит выражение в правоприменении и морали. Конституцией РФ закрепляются современные принципы свободы совести, но применение этих норм не соответствует мировым стандартам. Поэтому сопоставление лишь юридических формул свободы совести не отражает реального положения дел. Необходимо сопоставить нравственно-юридическое представление о свободе совести в российской правовой культуре и культурах других стран². Так как подобное сопоставление может приобретать очень широкие диапазоны исследования, предлагаем акцентировать внимание на вопросах светскости государства, светскости образования и юридическом равенстве религий. Комплексное рассмотрение нравственно-правовых проблем свободы совести является одной из актуальных задач современного отечественного религиоведения.

Для мирового сообщества, европейских стран в частности, свобода совести и ее реализация остается актуальной общецивилизационной гуманитарной проблемой. Различные научные и политические центры проводят ежегодный мониторинг состояния религиозной свободы и проблем дискриминации во многих странах мира. Всеми ими признаются в качестве основных приоритетов этого подхода (мирное) ненасильственное сосуществование людей и их объединений, основанное на взаимном уважении и эмпатии, и исключение всех видов дискриминации. Практическая реализация этих приоритетов сопряжена с многочисленными трудностями юридического, культурного, нравственно-правового характера, что обуславливает необходимость выработки общецивилизационных норм в отношении свободы совести.

Наличие одного лишь из признаков (светскости государства или образования) не является достаточным для свободы совести. Тотали-

² Подобное сравнение целесообразнее провести на примере международных правовых норм и европейской правовой культуры, в которую стремиться интегрироваться Россия в силу целого ряда исторических и гуманитарных причин.

тарные режимы XX в., утверждающие принцип отделения церкви от государства и системы образования, были не последовательны и часто систематически или стихийно вмешивались во внутренние дела религиозных организаций. При этом сама норма является необходимым основанием равной паритетной толерантности как необходимого условия сосуществования членов общества. Ее исключение из правовой культуры общества и государства не может гарантировать ни межконфессионального мира, ни общественного порядка. Гражданское общество в этом случае лишается еще одного важнейшего инструмента самовоспитания, отказываясь от него в пользу государства. Государство, являясь, прежде всего, институтом насилия и принуждения, имеет в своем потенциале очень ограниченный набор качественных средств для духовного созидания общества. Ментальная инерция обывателя традиционных и «догоняющих» цивилизаций, не приемлющего «глубокого изменения сознания общества и индивида»³, — исключительная особенность этих типов обществ, она является основным источником нетерпимости к инакомыслию. Ее проявлением является вынужденное навязывание всем безальтернативного образа действий. Культура же толерантности основывается на взаимном принятии на себя других точек зрения и соответствующем учете интересов⁴. Наиболее благоприятным условием ее функционирования является абсолютный государственный нейтралитет в отношении религиозных и нерелигиозных мировоззрений граждан.

В.В. Старостенко выделяет три основные модели государственно-конфессиональных отношений: интеграционную (государственная церковь), сепарационную (отделение церкви от государства) и кооперационную (сотрудничество государства и церкви)⁵. История российской государственности в различной степени имеет опыт всех трех моделей. Наиболее последовательным и продолжительным был исторический опыт интеграционной модели, что позволяет предположить недостаточную исчерпанность потенциала двух других.

³ *Перцев А.В.* Современный миропорядок и философия толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. С. 40–41.

⁴ *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. С. 237.

⁵ *Старостенко В.В.* Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории. Монография. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2011. С. 78.

В ежегодном Докладе А. Джахангир за 2009 г⁶. подчеркивается, что, несмотря на возможность существования свободы совести при интеграционной и кооперационной моделях, идеологический нейтралитет, обеспеченный сепарационной моделью, создает меньше проблем для соблюдения прав человека. В докладе подробно анализируются возможные «риски» интеграционной и кооперационной моделей. В частности, предлагается перечисление дискриминационных проблем, возникающих в законодательной, социальной и образовательной сферах. Особенно это касается соблюдения прав религиозных меньшинств и права на самовыражение. В документе рассматриваются различные государственные и негосударственные субъекты дискриминации и насилия на почве религии и убеждений. Одной из самых актуальных и острых дискриминационных проблем, общей для интеграционной и кооперационной моделей, является проблема преподавания религии в школе.

Эта проблема актуальна и для современной российской модели государственно-конфессиональных отношений, ориентированной на кооперацию крупных религиозных монополий и государства. Ряд российских ученых, сторонников кооперационной модели по германскому типу, обосновывают ее тем, что государство не в состоянии нести на себе весь груз социальных проблем⁷. Они заняли позицию сочувственного дистанцирования по вопросу сотрудничества религиозных организаций и системы образования, например введения в школьный курс «Основ религиозной культуры» и специальности «Теология» в вузы. Они, как и поборники внедрения религии в общеобразовательные школы, обосновывают право на религиозное обучение и предоставление его в светских школах свободой совести. Таким образом, намеренно искажается начальная сущность понятия, предлагается его превратное толкование.

⁶ *Джахангир А.* Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии и убеждений Совета по правам человека Генеральной ассамблеи ООН за 2009 г. // Электронный ресурс Интернет: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/13session/A-HRC-13-40_ru.pdf.

⁷ *Беллинг Д.В.* и др. Актуальные проблемы государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ с государственно-церковными отношениями в ФРГ) // Религиоведение. 2007. № 4. С. 113–114.

Каждое понятие или юридическую норму нужно толковать, не изменяя их изначальный смысл. В юриспруденции этого можно достигнуть введением «права третьего лица»: когда возникает противоречие в толковании понятия, его разрешение должно основываться на «интересе» третьей объективной стороны, которая намеренно вводится в процесс спора. Этим третьим лицом может быть физическое, юридическое лицо, международное право. Дву- или многосмысленность юридических норм и понятий делает возможным допустительное толкование, которое при некоторых субъективных обстоятельствах превращается в предпочтительное и фактически обязательное. Так было с курсом ОПК в российских государственных школах, определяемых как «светские». Обстоятельная религиоведческая оценка этому дана в статье С.С. Саввы, вскрывающей механизмы превращения факультативного курса в обязательный по принципу не «научности», а «традиционности»⁸.

Для российской юридической практики характерно почти полное исключение из употребления понятия *дискриминация*. Российское законодательство не ориентировано на защиту прав религиозных меньшинств. Напротив, его приоритеты – религиозные (конфессиональные) монополии, а в отношении прав «малых религий» сохраняются ограничительные тенденции.

Ориентация многих европейских законодательств на международное право и развитую либеральную правовую культуру усиливают антидискриминационное социально-правовое влияние. Наиболее рациональным и действенным решением проблемы обеспечения межконфессионального мира, а также ликвидации дискриминации по религиозному признаку является ориентация законодательства и практики правоприменения на общечеловеческие ценности, «имеющие свои основания в общих нормах религиозной морали»⁹.

Правоведческая оценка и правоприменение в религиозной отрасли основываются, скорее, не на объективных принципах юриспруденции, а на решении различных социально-политических задач. Так создаются предпосылки лишь для экстенсивного обеспечения этого правоприменения и других аспектов юридического регулирования социально-религиозных процессов. Это выражается, в частности, в состоянии

⁸ Савва С.С. Клерикализация светского образования в России: конституционно-правовой анализ // Религиоведение. 2006. №4. С. 79.

⁹ Дружкина Ю.А. Религиозное правосознание: автореф. дис... канд. юр. наук. Саратов, 2007. С. 16–18.

противоречивости юридических норм и правоприменения, которое обосновывается как «необходимое» или как социальный заказ даже в научных источниках¹⁰. Так, Н.В. Володина делает попытку нерационального обоснования неравенства конфессий по «правовому статусу» юридической нормой равенства религий перед законом¹¹. Подобная позиция возможна лишь при необъективном условии переноса социального статуса на правовой. Таким образом, происходит нарушение принципа всеобщности права, что создает предпосылки для введения отдельных норм для православных, пятидесятников, атеистов и т.д., что имело место в эпоху российской монархии и в советский период.

В западноевропейской и международной литературе о свободе вести понятие *дискриминация* – одно из основных. Оно определяет главную практическую проблему. Отсутствие антидискриминационного законодательства в России не означает отсутствия дискриминации в нашей стране. Г.А. Выдрина считает, что для решения проблем реализации конституционных принципов свободы совести и регулирования межконфессиональных отношений на местах необходимо использовать «государственный менеджмент религиозной ситуации» как «практический механизм реализации вероисповедной политики Российского государства» Для этого она предлагает создать единый федеральный орган «принципиально нового типа», полномочный вести вероисповедную политику¹². А.Г. Залужный также рекомендует создать государственное научно-исследовательское учреждение, занимающееся широким спектром проблем государственно-конфессиональных отношений¹³. Он обосновывает это неспособностью религиозных организаций к самоорганизации в государственно-конфессиональных и межконфессиональ-

¹⁰ См., например: *Володина Н.В.* Теоретические основы правового регулирования отношений государства и религиозных объединений (сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис... д-ра. юр. наук. СПб, 2010. С. 16–17; *Афанасьев П.Б.* Природа правового регулирования религиозных отношений: Автореф. дис... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2008. 30 с.

¹¹ *Володина Н.В.* Указ. соч.

¹² *Выдрина Г.А.* Религиозная ситуация как объект государственного регулирования (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа): Дис. канд. филос. наук. М., 2004. С. 93.

¹³ *Залужный А.Г.* Государство и религия в России: проблемы взаимодействия. С. 501–502 // Электронный ресурс Интернет: http://www.civisbook.ru/files/File/Gosudarstvo_i_religiya.pdf.

ных отношениях. Подобные предложения не могут не вызывать резонансные опасения. Российское государство, по оценке большинства общественных и международных правозащитных организаций, экспертных центров, остается недостаточно последовательным в реализации и охране свободы совести, мысли и слова. Кроме того, создание подобных органов¹⁴ вызвало критическую оценку ученых-религиоведов. Негосударственные общественные организации профессиональных религиоведов вполне могут наделяться экспертными полномочиями этого органа «нового типа», не являясь частью структуры государства. По мнению проф. Ф.М. Рудинского, высказанному в 1988 г., целесообразно образование Комитета по охране свободы совести с соответствующими полномочиями¹⁵. Однако поиски опоры для этого в «стороне-участнице» государственно-конфессиональных отношений – государстве – свидетельствует лишь о слабости наших общественных отношений и институтов гражданского общества. Общественные организации должны формироваться «снизу», по инициативе граждан, а не по предписаниям государства.

¹⁴ Экспертных советов по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ.

¹⁵ *Залужный А.Г.* Указ. соч.